

А. И. Ганчев, А. А. Пригарин

**ПИСЬМА С. И. ЦВЕТКО Н. С. ДЕРЖАВИНУ 1927–1929 гг.:
ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ БИОГРАФИЙ**

В археографическую поездку в Санкт-Петербург мы готовились с нашим «Шефом» давно и обстоятельно. Он мечтал найти новые архивные документы о прошлом его родной болгарской Терновки. Однако жизнь Владимира Никифоровича Станко неожиданно оборвалась 16 февраля 2008 года...

Из предыдущего посещения архивов в 2003 году Владимир Никифорович Станко вернулся полным энтузиазма – исследовательские находки позволили ему не только воссоздать сюжеты возникновения колонии и ранних этапов ее развития¹, но и соприкоснуться с прямыми свидетельствами своих предков. В «клятвенном обещании», прошениях и других документах стояли подписи Яни и Станко (представителей непосредственных родов Владимира Никифоровича). А рядом с ними – Атанасов, Коч... Его малая Родина оживала сразу в двух измерениях – истории семей почти двухсотлетней давности и, одновременно, социальной памяти коренного жителя, в которой тесно переплелись соседи, друзья, одноклассники, соперники... Где бы ни оказывался Владимир Никифорович, судьбой Терновки он продолжал интересоваться не меньше, чем новинками и открытиями в области каменного века, в которой ему было суждено стать значимым международным авторитетом.

Специальное познание археологии и первобытной истории сочеталось с трепетными и уважительными знаниями своей малой Родины, с которой его продолжали связывать устойчивые социальные сети традиции. Он мечтал исследовать свою уникальную Терновку с таким же масштабом, как перед этим изучил ряд памятников палеолита и мезолита. Продемонстрировать ее феномен как настоящий ученый – отдавая приоритеты источникам. И здесь ему не мешала эмоциональность отношения, как это часто бывает у краеведов. Все сферы описания он отдавал в руки профессионалов этнологов, лингвистов, историков.

Его рассказы о Терновке были не только завершенными в этнографическом жанре эссе, но и воспринимались как часть житейской мудрости многих поколений болгар. И в них стержневой темой выступала идея насыщенной интеллектуальной жизни поселка. Редко какая местность может похвастать таким количеством специалистов высшего класса (академиками, инженерами, медиками, астрономами и т. д.). Видимо, то трудолюбие, которое было перенесено с Балканских пространств и помогшее выжить в трудных условиях степи, определило и системный взгляд на жизнь, на различные сферы ее проявления. Достаточно часто В. Н. Станко перечислял ученых, прославивших Терновку, вписывая их в контекст наук и бытовых ситуаций поселка.

Из этих рассказов особо выделялись воспоминания о Сергее Ильиче Цвятко, внучатым племянником которого являлся Владимир Никифорович. В память о нем и была возрождена этнология/этнография в Одессе в 1990-е гг. «Шеф» пояснял, что многие из его разносторонних интересов сформировались благодаря этой личности, его сложной судьбе и научному наследию.

Нечто мистическое усматривал этот вполне рационально мыслящий профессор в связях со своим дедом. Нередко ругая нас, молодых, он лукаво «предупреждал», что с национальными вопросами надо быть осторожными, а не то «арестуют, как моего деда». В одном из своих последних разговоров, перечисляя этнологов, которыми теперь изобилует Одесса, он шуточно с гордостью сказал: «Да, уж! Теперь всех не пересадят!»

Вот почему вполне логичным выглядело то, что, перебирая архивные дела в фонде Николая Севастьяновича Державина в Архиве Российской Академии Наук (г. Санкт-Петербург), мы натолкнулись на оригиналы писем Сергея Ильича Цветко. Сам факт подобной «встречи» уже сам по себе расценивался нами как знаковый. В память об этих двух замечательных терновчанах и хотелось опубликовать данный фрагмент эпистолярного наследия (ответные письма Н. С. Державина, наверняка, не сохранились из-за репрессий и переездов). Это желание усилилось и укрепилось после внимательного прочтения писем – они имеют смысл сразу в нескольких направлениях актуальной историографии. Укажем лишь основные, очевидные для нас.

Во-первых, это источники для реконструкции творческой мысли ученого, который не только своими деяниями при жизни, но и своим именем после смерти сыграл значительную роль в развитии этнологии и фольклористики Украины. Его работы публикуются до сих пор², широко используются в современной практике научных проектов³. Вместе с тем, продолжается поиск его неопубликованного наследия, которое хранится в ряде архивов и рукописных фондов Украины и России.

Во-вторых, эти письма помогают воссоздать информационные контакты в научной среде славистов 1920-х гг. Их можно рассматривать как продуктивный обмен материалами и методиками между состоявшимся специалистом из центра (Н. С. Державин) и талантливым, начинающим ученым, которого сейчас бы назвали «native anthropology» (С. И. Цветко). При этом очевидно, что связь это не односторонняя, в любом из направлений. Тексты этих писем отражают целый ряд методических исканий и теоретических сомнений, которые позволили южному фольклористу не только собрать уникальный корпус материалов, но и дать ему надлежащую интерпретацию, выдвинуть ряд обоснованных концептуальных предположений.

В-третьих, само время – 1927–1929 гг. – показательно. С одной стороны, это масштабное разворачивание научных исследований в СССР, которое, к сожалению, трагично закончилось для многих ученых (не стал исключением и С. И. Цветко). С другой же, это кульминация биографий обоих корреспондентов. Относительно молодой, энергичный Сергей Ильич Цветко как раз накануне начинает активно публиковаться и совершает несколько результативных экспедиционных поездок, выстраивает планы на дальнейшее развитие фольклористики и своих проектов. Об этом и сообщается уже признанному авторитету, заведующему кафедрой славянской филологии Ленинградского университета Николаю Севастьяновичу Державину. Дистанция «в поле» у них – четверть века, которые разделяют их сборы эмпирических данных в болгарских поселениях Новороссийского края. «Профессор» для С. И. Цветко не только звание Николая Севастьяновича, но и реальное признание авторитета Учителя.

Эта переписка стала своеобразной «точкой бифуркации» двух биографий, за которыми стоят, видимо, не просто человеческие судьбы, но и две модели творческой востребованности. Чтобы объяснить это в общих чертах, опишем в сравнении жизненные факты двух ученых⁴.

Н. С. Державин родился 3(15).12.1877 г. в с. Преслав Таврической губернии (теперь – Приморский район Запорожской области). После получения образования

в Симферопольской гимназии (1896 г.) учился в Санкт-Петербургском университете (1896–1897 гг.). Уже со студенческих лет начал активную собирательскую работу по болгарскому населению Юга Украины, которую завершил поистине энциклопедическим двухтомником «Болгарские колонии в России»⁵. В 1900 г. окончил Историко-филологический институт в Нежине.

Почти ровесник – Сергей Ильич Цветко родился 25.09.(8.10.) 1877 г. в с. Терновка Херсонской губернии (теперь – поселок в рамках города Николаев). Детство обоих ученых прошло в близкой среде бывших болгарских колоний. «Наше село Тернівка, – описывал, бывший до 12 лет пастухом, Сергей Ильич, – незважаючи на всі етнічні впливи, являло з себе закуток з побутовими рисами настільки оригінальними, що видавало якийсь зовсім осібний куток на загальному фоні етнічної мішанини»⁶. Именно с детства начались увлечения обоих болгарской культурой и языком.

Сергей Ильич закончил в 1905 г. Александровскую гимназию в Николаеве и поступил на медицинский факультет Императорского Новороссийского университета в Одессе. Однако уже через три месяца он переводится на историко-филологический факультет, который оканчивает в 1911 г.⁷ Здесь его учителем становится М. Г. Попруженко – авторитетный историк и филолог-славист. Сергей Цветко пробует перевестись в Москву (1907), но ограниченные финансовые возможности не позволяют ему реализовать свою идею. Поиск своего места в науке прерывается Первой мировой войной, на фронт которой он пошел младшим офицером и попал в четырехлетний плен.

Всего лишь 7 лет разделяли Н. С. Державина и С. И. Цветко, но именно этот небольшой промежуток определил разницу в социализации ученых. Включенность Николая Севастьяновича в ведущие направления славистики способствовало относительно раннее признание его работ. В отличие от него, Сергей Ильич дольше находился в творческом поиске.

После войны и революции эта разница усилилась. Если Н. С. Державин оказался стремительно востребованным – с 1917 г. – профессор, а в 1922–1925 – уже ректор Петроградского университета (с 1925 г. возглавил в нем кафедру славянской филологии), то судьба Сергея Ильича складывалась не так уж легко. В 1919–1921 гг. он работает учителем истории, географии и украинского языка в школах Елизаветграда (ныне – Кировоград), Ольвиополя (Первомайск) и родного Николаева. Лишь после женитьбы на Жозефине Осиповне он переезжает в Одессу, где 10 лет проживает по адресу ул. Дегтярная, 15, кв. 7 (дом не сохранился)⁸. Здесь он устраивается преподавателем истории, этнографии, украинского языка и литературы в Одесский сельскохозяйственный институт. Кроме того, он активный организатор и участник Одесской секции Комиссии краеведения, Этнографической комиссии и Кабинета Национальных меньшинств Всеукраинской Академии Наук (ВУАН). Участвует в комплектации Музея Степной Украины этнографическими коллекциями. В рамках этой научной инфраструктуры разворачиваются исследовательские проекты Сергея Ильича. Кроме экспедиционных поездок к себе на родину, в Терновку, он объезжает села Буго-Днестровского междуречья и Крыма. Предметом его основного внимания становится фольклор во всех его проявлениях. Записывая песни и другие жанры устного творчества, он успешно пытается их классифицировать, охарактеризовать их источниковедческую ценность для реконструкций болгарского (славянского) мировоззрения, этнокультурной истории народа. Как сказали бы сейчас, подойти семиотически к содержанию народного нарратива.

Такие идеи и их реализации легли в основу его работ этого времени⁹. Несмотря на тот факт, что талантливый славист лишь начинает свою исследовательскую полевую деятельность, очевидно, что его отношение к эмпирическому материалу отражает серьезность и тщательность подготовки. Методическими сомнениями он делится в своих письмах с авторитетным Н. С. Державиным. В поле его внимания входит не только репрезентация народных устно-поэтических традиций, но и семантическая направленность их. Его интерпретации и комментарии вводят феноменальные данные в сложные реконструкции мировоззренческого и исторического опыта болгарского народа. Он с нетерпением ожидает оценки своих концепций со стороны Н. С. Державина. Хотя писем профессора пока не выявлено, но очевидно, что он высоко оценил и поддержал собирательскую деятельность одесского коллеги. Кроме опубликованных работ, Сергей Ильич направил своему питерскому учителю рукопись песен из Большого Буялыка и Терновки, записанных в 1924–1925 гг.¹⁰

Неожиданно творческое сотрудничество, как и научная биография С. И. Цветко, обрываются. В 1931 г. он был арестован по «делу СВУ (Спілка визволення України)» и осужден на три года с последующим лишением прав проживания в 12 городах СССР (в т. ч. – и Одессе)¹¹. В 1932 г. дело закрывают, а С. И. Цветко выпускают, но... Накануне не выдерживает его супруга и совершает самоубийство – в Одессу ему возвращаться не к кому, да и не зачем. Вернувшись в Николаев, он работает директором историко-археологического музея. Здесь он вновь женится, и у него рождается дочь (1937), которая погибает в младенчестве от несчастного случая, и сын Александр (1940), который теперь живет в Санкт-Петербурге. Тогда ж С. И. Цветко окончательно порывает с наукой в условиях тотальных репрессий 1937–1938 гг. Во время войны он не успел эвакуироваться, и оккупационная администрация использует его знания немецкого языка. Кроме переводов, он возглавляет Терновскую школу, а после освобождения становится инспектором областного отдела народного образования. «За сотрудничество с оккупантами» 62-летнего больного желудком Сергея Ильича в третий раз в его жизни арестовывают в 1946 г. Не пережив этого, он вскоре умирает. Место и обстоятельства смерти не отложились в его следственном деле и остаются неизвестными. 1 декабря 1991 г. ученый был реабилитирован посмертно...

В отличие от своего младшего коллеги, Н. С. Державин после их переписки «пошел вгору». Пережив все репрессии, он благополучно отстаивал идеи Н. Я. Марра о «яфетической системе» языков (даже пытался доказать славянскую принадлежность румынского языка)¹². В 1930 г. был избран академиком АН СССР, возглавлял Институт славяноведения АН СССР (1931–1934 и 1947–1953), кафедры славянского языкознания в ЛГУ (1944–1953) и МГУ (1943–1948). В середине 1930-х – начале 1940-х, после репрессий против славистов и фактического разгрома академического славяноведения, отстаивал эту дисциплину и внес определенный вклад в ее реабилитацию в СССР. За свои труды в 1948 г. был удостоен Сталинской премии. «Несмотря на все его недостатки и грубые ошибки, которые он делал очень часто, имя его будет тесно связано с развитием славяноведения, – записал в дневнике С. Б. Бернштейн после кончины Н. С. Державина (в 1953 г.). – Меня часто раздражали его труды, его выступления, его действия, но ... я его все же любил. Через всю свою жизнь он пронес любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку»¹³.

Общность взглядов, но разница в обстоятельствах привела одного слависта в советский пантеон, а другого – практически уничтожила...

Приложения

Письмо 1

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827., оп. 04, д. 0587, л. 1–2]

Ответ 23. X. 27¹⁴

Глубокоуважаемый профессор!

Зная о Вашем интересе к болгарской этнографии и о Ваших работах в этой области, я решаюсь обратиться к Вам с просьбой уделить небольшое внимание моей работе в той же области. Дело в том, что я уже лет 5 записываю песни по болгарским селам, их накопилось порядочно, но издавать их на Украине некому. ВУАН издает статьи, а сборников материалов пока не собираются издавать, а появляющиеся то в Харькове, то в Киеве «балканские секции» настолько бедны, что не в состоянии до сих пор издать книги для чтения для трудшкол. Пока мне удалось пристроить 3 статьи: 2 о свадьбах и одну о хайдуцких песнях¹⁵, ненапечатанными остаются еще свыше 150 песен субатских¹⁶ и обрядовых. Мне очень хотелось бы видеть их напечатанными в каком [//] либо из сборников или Союзной Академии, или Музея Антр. и Етнографии. Для поддержки меня в этом я и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. Если бы Вас эти песни заинтересовали, я бы охотно послал бы Вам для предварительного просмотра.

Материалы мной собраны в селе Терновке и Большом Буялыке (Кошкове)¹⁷. Сам я уроженец с Терновки и втрое под впечатлением этих песен, так как сестры мои считались лучшими в селе певицами, с их слов они главным образом и записаны¹⁸.

Большинство песен не имеют вариантов в тех сборниках, которые я просматривал в Одесских книгохранилищах: Варбанского¹⁹, Илиева²⁰, Чолакова²¹, Качановского²², Верковича²³ и среди тех, которые напечатаны в Сборниках «За народни умотворения»²⁴. Всей литературы мне не удалось просмотреть, так как, естественно, я ограничен той литературой, которая имеется в одесских библиотеках, а в них я многого для меня интересного не нашел; так: нет первого тома Вашего исследования «Болгарские колонии на Юге России». Нет и лучших сборников [//] болгарских песен, изданных в Болгарии.

Все-таки думаю, что мои материалы имеют кое-какую научную ценность и в дальнейшей моей работе, думаю их всесторонне исследовать.

Остаюсь всегда готовый к услугам С. Цвятко
Адрес: Одесса, Дегтярная 15, кв. 7
С. И. Цвятко

Письмо 2

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827., оп. 04, д. 0587, л. 3–5]

Ответ 6. VI. 28²⁵

Многоуважаемый Николай Севастьянович!

Все собирался поделиться с Вами некоторыми мыслями относительно моей работы, да все некогда было, так как конец триместра настолько завалил меня письменными работами и отнял все свободное время, что некогда было просмотреть своих записей. Посылаю Вам для ознакомления с моей работой еще ненапечатанные материалы, записанные мною в с. Б.- Буялыке и родном селе Терновке²⁶, а также статью, напечатанную в «Етнографічному віснику» ВУАН'а в №3, о юнацких и хайдутских песнях²⁷.

Чувствую, что с Вашей стороны мне придется выслушать немало замечаний, особенно в отношении передачи фонетики²⁸. Поэтому считаю необходимым в свое оправдание дать несколько пояснений. Большинство песен я записывал с голоса [//] во время пения, стараясь передать произношение, как оно отражается в песне, а не в живой речи. При этом я натолкнулся на много неясностей, из которых проистекала моя нерешительность. Так например: звук «О» в живой речи, если на него не падает ударение, почти всегда переходит в «У», в песне при пении – это всегда звук нерешительный между «О» и «У», а часть переходит в «Ю» и ЙО.

В начале моей записи я отдавал предпочтение звуку «О», особенно в тех случаях, когда на него падало музыкальное ударение, но позже я изменил этому принципу и отдал предпочтение звуку «У», особенно в песнях терновских, так как в Терновке переход «О» в «У» гораздо отчетливее, чем в Буяльке. То же нужно сказать и относительно звука «Е», который обычно чередуется с «И» и «Ъ», в конце строки при долгом музыкальном слоге он приближается к чистому «Е»²⁹. [//] Этим объясняется разница в передаче одних и тех слов в различных местах текста, это – желание быть по возможности точным, насколько это было возможно осуществить теми несовершенными способами записывания, которыми я пользовался. Редакционных поправок, добавлений я совершенно не вносил, несмотря на то, что искушение было большое относительно тех песен, в которых бросаются в глаза или логические противоречия, или невыдержанность ритма. В самом начале записывания я пришел к заключению, что у отдельных лиц записать многого мне не удастся, и в дальнейшем я обычно собирал небольшое общество певцов, и при коллективном припоминании мне удавалось восстановить всю песню и по возможности выправить как логические противоречия, так и невыдержанность ритма. Возможно, что я при таком способе записывания грешил против научности записывания, но я оправдывал себя тем, что творческий процесс наших песен давно уже завершен, [//] поэтому индивидуальная окраска песни не имеет значения, а дело сводится к тому, кто лучше сберег в памяти старую песню, ставшую неподвижной в своей форме.

Кроме песен у меня записан, правда не много, и другой материал: заговоры, обряды, сказки, но пока этот материал у меня не систематизирован, поэтому не могу его послать Вам для ознакомления.

Кроме присылаемых юнацких и хайд. пес., напечатанные еще свадебные вместе с описанием самого обряда в «Віснику Одеської комісії краєзнавства» – ч. 2–3³⁰.

О свадебных символических обрядах и предметах в сравнении с украинскими моя статья должна выйти в № 6 «Етногр. Вісника»³¹. – Мне очень будет интересно познакомиться с Вашим мнением об этих моих работах, и как только получу отписки – пришлю Вам. Что касается присылаемых песен, то мне хотелось бы куда-нибудь их пристроить для напечатания в таком виде, как они есть. В России, как я слышал, будто бы это возможно, такие работы печатают Известия археологического музея?³² Я туда еще не обращался, подожду Вашего совета по этому вопросу. Возможно, что Вы порекомендуете снабдить их комментариями и словарчиком. [//]

Над этим я тоже уже немного поработал, написав небольшую статью о турецких элементах в обычаях и языке наших болгар³³, имея ввиду, главным образом, песни, но это пока не главное.

Мне хочется начать работу по установлению органической связи между нашими субатскими и обрядовыми песнями и песнями про Крале-Марко³⁴. Попутно, конечно, думаю пополнять свои записи, причем мне очень интересно проникнуть с моими записями в Крым, так как, встречаясь с крымскими болгарами и прислушиваясь к их говору, я готов допустить, что большинство их переселенцы из Македонии³⁵. Не удастся ли

установить более непосредственную связь с македонским эпосом через крымских болгар? Такую мысль я подавал балканской секции при ВУАНе, но какой-либо поддержки не получил, так как секция вряд ли интересуется этнографией в широком смысле.

Остаюсь готовым к услугам С. Цвятко
(Сергей Ильич Цвятко)
Дегтярная 15, кв. 7

Письмо 3

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827, оп. 04, д. 0587, л. 6–7]

10.X.28
г. Одесса

Глубокоуважаемый Николай Севастьянович!

Давно уже собираюсь поделиться с Вами моими впечатлениями от поездки по Крыму, да все не мог выбрать свободной минуты. Пришлось мне путешествовать соло, т. к. москвичи, которые собирались посетить крымских болгар, перед моим отъездом известили меня, что не поедут. Я произвел записи в Ст.-Крымской³⁶, Кишлаве³⁷, Коктебеле³⁸ и Сарабузе³⁹. В настоящее время перечитываю Ваше исследование «Болгарские колонии» II том. С чувством удовлетворения констатирую, что я в моих записях не напутал. Нашел полное подтверждение моим выводам до некоторой степени дилетантским, поскольку я в области лингвистики являюсь новичком. Вопросы лингвистики [//] стояли у меня на втором плане, на первом плане у меня стояли вопросы фольклора. В этом отношении я несколько разочарован. Из 50-и песен, записанных мною, ценными представляются мне 5–6, не более. Утешительным для меня является только одно обстоятельство: из этих, ценных по моему мнению, 3 песни относятся к так называемым «змеишки песни», в которых «змей-огнян»⁴⁰ отчетливо вырисовывается как метеорологический символ грома, молнии, бури и засухи, а ламя⁴¹ – символ туманов и наводнений, опустошающих посева. В третьей песни змеица фигурирует с постоянным эпитетом «златнокрилица»⁴². Все эти элементы подтверждают мои выводы в последней моей статье «Генега крилатого змія в болгарських народних піснях», которая должна появиться в ближайших №№ «Етнограф. [//] Вісника»⁴³. В качестве материала я использовал свои записи и все записи, которые я нашел в «Сборниках Н. У.» и других сборниках, какие имеются в одесских библиотеках, но песен, в которых бы так ясно выступала змеица, как оборотень, а змей-огнян, как героический символ, связанный с ветрами и бездождем, я не встречал. Во всех вариантах, подобных записанных мной, заметна недоговоренность, а то и незаконченность. Как только статья будет напечатана, я пришлю ее Вам.

Мне очень интересно узнать ваше мнение относительно тех записей, которые я Вам прислал, а также о статье «Символічні речі і обряди болгарського весілля в порівнянні з українськими»⁴⁴. Укажите мне на мои промахи, т. к. в Одессе с отъездом Попруженка⁴⁵ нет никого из знатоков болгарской и вообще южнославянской этнографии. Еще одна покорнейшая просьба: если [//] в Ленинграде нет подходящего издания, где можно было напечатать мои материалы, то будьте добры, пришлите мне их обратно и простите великодушно за беспокойство.

Будучи летом в Киеве, я получил заверение, что в скором времени УАН будет издавать этнографические материалы, и мои могут быть напечатаны, так как я пока являюсь единственным представителем болгарского фольклора на территории Украины. К со-

жалению, УАН ставит мне условия, чтоб под каждой песней поместить сведения об уже напечатанных вариантах, а также об особенностях в развитии сюжета. Я уже пробовал это делать, и это ужасно кропотливая работа, требующая много терпения.

В заключение скажу, что крымские болгары мне очень понравились, и я с удовольствием еще раз к ним поеду. Русские их поразительно не любят, тогда как татары прекрасно к ним относятся. Много неприятных вещей о болгарях мне пришлось услышать в Ст. Крыму от русских, благо, что это меня абсолютно не трогает.

Остаюсь готовым к услугам!
Одесса, Дегтярная 15, кв. 7
С. Цвятко

Письмо 4

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827, оп. 04, д. 0587, л. 9–10]

Глубокоуважаемый Николай Севастьянович!

Я чрезвычайно Вам признателен за Ваше обстоятельное письмо, на которое, я к стыду своему, так поздно отвечаю. У меня была надежда получить оттиски статьи о свадьбе и послать ее вместе с письмом, но до сих пор № 6 Вісника не вышел⁴⁶. Я очень вам благодарен за чрезвычайно важное для меня замечание по поводу статьи и текста песен. Хайдутські і юнацькі пісні..., многие подчеркнутые места действительно обнаруживают мое невнимательное отношение к записи, как «объйодзи», слово, которое, правду говоря, меня самого удивило, в черновике у меня стоит «объйодзи», переписчица просто оставила обе буквы. Я себя упрекаю за то, что внимательно не просмотрел текст оттиска перед тем, как послать Вам, там много опечаток. [//] В виду того, что упомянутая статья является первой моей попыткой выступить в печати по вопросу о болгарском фольклоре, поэтому я сам ей очень мало доверял и уже поэтому был к ней недостаточно внимателен, не особенно заботясь о подтверждении высказанных мной догадок. Ее напечатание было для меня приятным сюрпризом. Еще перед ее написанием я очень внимательно прочел 2-ой том Вашего исследования, первого я не нашел в Одесских библиотеках, но признаюсь откровенно, он меня убедил, что у меня не хватит ни умения, ни терпения применить такую графику, какую переданы диалекты в Вашем 2 томе, а потому я принял наиболее упрощенную, приспособивая, по возможности, эту графику к украинскому языку; отсюда Гъоро, Бяльо/ в Сборн. за нар. умотвор. обычно Гјоро, Бјалјо/. Относительно соседства зубных з-с, т-д, д-с, у меня постоянные колебания. Певец часто делает ударения на з, д, если [//] следующая дальше гласная переходит на высокую ноту, а я как раз юнацкие и хайдуцкие песни записывал с пения. Я был бы близок к правильному изображению слова «възседна», если бы, записывая во время пения, передал бы его так «възъседна»⁴⁷, в живой речи такое произношение невозможно. Фраза «Три дни ми и три вечери» – в пении произносится так «Триднимий три вечери»⁴⁸, а при сокращении союза «и», теряется слог, необходимый для мотива.

Относительно начала болгарской этнографии, я проявил, конечно, слабую осведомленность, хотя читал пред тем маленький сборник, относящийся, кажется, к 1864 году, изданный в Буда-Пеште, автора не помню, но решил про себя, что это имеет второстепенное значение.

Последнее время я знакомился с сербским эпосом по сборникам Вука Караджича⁴⁹ и нашел подтверждение Вашей мысли, что под городом «Будима» – действительно

следует разуметь «Буда-Пешт», но в записанных мной песнях Будима или Будина встречается [//] всегда как город, на который нападают татары или турки, в таком случае это мог бы быть скорее Видин⁵⁰, тем более, что около XIII века он был самостоятельным княжеством и более всего терпел от татар и венгров. В хороводной песне турки похищают из Будина девицу-болгарку. Еще раз позвольте Вас поблагодарить за Ваши указания и буду ожидать Ваших указаний относительно рукописи⁵¹.

Предстоящем летом я намерен посетить Крым в обществе двух москвичей проф. Данилова⁵² и тюрколога Соколова⁵³, они главным образом интересуются болгарской диалектологией и ее отношением к тюркской. Если это путешествие удастся, то, думаю, у меня будет больше материалов для разработки некоторых вопросов сравнительной славянской этнографии. Очередная тема, которой я сейчас занят: «змея и крылатый змей». Изследования текстов песен, широкое слияние текстов вариантов тоже входило в мой план, но боюсь, что такая работа не будет интересна для наших современных журналов, поневоле приходится ограничиваться статейками а ½ – 1 печатный лист.

Истинно благодарный Вам, С. Цветко

¹ Самаритаки, Е. С., Уварова, Е. А., Пригарин, А. А., Станко, В. Н. Терновка: документы и материалы по истории (1792–1822). Търновско българско дружество «Иван Вазов», Одеско научно дружество на българистите. Т.1. Одесса, 2004. 154 с. [второе издание – Николаев, 2006].

² Цветко, С. Български народни песни от Украйна и Крим. София, АИ «Марин Дринов», 2005. 178 с.

³ Например: Горбань, І. Фольклор і фольклористика болгар в Україні. Львів, 2004, 129–135; Сербрянникова, Н. І. Сергей Цветко и его вклад в изучение народной медицины Юга Украины. – Одеска българистика, 2004, № 2, 36–38 и др.

⁴ Биографические реконструкции Н. С. Державина проведены по: Бернштейн, С. Б. Академик Н. С. Державин (К 70-летию со дня рождения). – Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1948, вып. 6; Николай Севастьянович Державин. М.–Л., Изд. АН СССР, 1949 (Материалы к библиографии ученых СССР/АН СССР. Сер. лит. и яз., вып. 1); Список трудов академика Н. С. Державина в области славяноведения. – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1953, вып. 11, 87–94; Аксенова, Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы). – Советское славяноведение, 1990, № 5, 69–81. Судьба С. И. Цветко описана в очерках: Горбань, І. Сергій Цветко. – Народознавчі зошити, 1996, № 4, 266–269; Ласыньска, М. Ю. Сергій Ілліч Цветко: життя і діяльність етнолога, краєзнавця. – Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Историчні науки. Миколаїв, МДУ, 2005, 249–253; Никитин, В. Собирабель Терновського фольклора. – Вечерний Николаев, 1998, 11 августа.

⁵ Державин, Н. С. Болгарские колонии в России (Бессарабская, Херсонская и Таврическая губернии). – В: Сборник за народни умотворения и народопис. Т. XXIX. София, 1914; Державин, Н. С. Болгарские колонии в России. Т. 2. Пг., 1915.

⁶ Цветко, С. І. Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. – Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1925, ч. 2–3, с. 218.

⁷ Личное дело студента С. И. Цветко (Государственный архив Одесской области, ф. 45, оп. 5, д. 14230).

⁸ Для нас так и останется загадкой, знал ли В. Н. Станко, что его дед проживал в нескольких кварталах от одной из его квартир на углу улиц Островидова и Л. Толстого.

⁹ Цветко, С. І. Хайдутські болгарські пісні, записані в с. Тернівці біля Миколаєва. – Вісник Одеської комісії краєзнавства, Одеса, 1924, ч. 1, 22–23; Цветко, С. І. Весільні звичаї і пісні болгар на Херсонщині (Село Тернівка на Миколаївщині). – Вісник Одеської комісії краєзнавства, Одеса, 1925, ч. 2–3, 217–238; Цветко, С. І. Юнацькі та хайдутські пісні у болгар. – Етнографічний вісник. К., 1926, кн. 3, 47–48. Цветко С. І. Варіанти до юнацьких і хайдутських пісень (с. Тернівка). – Рукописний фонд Інститута мистецтвознавства, фольклористики і етнології ім. М. Ф. Рильського НАН України (далеє – РФ ІИФФ), ф. 1–4, од. зб. 247; Цветко, С. І. Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським. – Етнографічний вісник. К., 1928, кн. 6, 1–15; Цветко, С. І. Сидянки та меджії. – РФ, ф. 1–4, од. зб. 247,

12 арк.; *Цветко, С. І.* Болгарський верстат (рукопис, що зберігався у В. Н. Станко); *Цветко, С. І.* Генеза мотива крилатого змія в болгарських народних піснях. – Етнографічний вісник. К., 1930, кн. 9, 3–30 (рукопис: РФ ИИФЭ, ф. 1–4, од. зб. 140, 22 арк.); *Цветко, С. І.* «Хороба «урама» та її лікування в болгарській народній медицині. – Етнографічний вісник, 1932, кн. 10, 107–122; *Цветко, С. І.* Замови проти різних хвороб у болгар, записані в с. Тернівці на Миколаївщині в 1926 году. – РФ ИИФЭ, ф. 1–4, од. зб. 246, 5 арк.; *Цветко, С. І.* Пісні болгар України і Криму (записані в селах Благоеві, Тернівці, Ст. Криму, Кишлаві, Сарабузі і Коктебелі). – РФ ИИФЭ, ф. 7–2, од. зб. 9–12, 14.

¹⁰ Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 827, оп. 1, д. 269, л. 44–129. (Как составная часть эта рукопись сейчас опубликована: *Цветко, С.* Български народни песни от Украйна и Крим. София, АИ «Марин Дринов», 2005, 19–130.)

¹¹ Одеський Мартіролог: дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади. Т. 1. Одеса, ОКФА, 1999, с. 564.

¹² В. М. Алпатов називав его «одним из самых дремучих марристов» (*Алпатов, В. М.* История одного мифа. М., 2004, с. 117).

¹³ *Бернштейн, С. Б.* Зигзаги памяти. М., 2002, с. 175.

¹⁴ Дата написана красным карандашом, вероятно, рукой Н. С. Державина.

¹⁵ Видимо, речь идет о: *Цветко, С. І.* Хайдутські болгарські пісні, записані в с. Тернівці біля Миколаєва. – Вісник Одеської комісії краєзнавства, Одеса, 1924, ч. 1, 22–23; *Цветко, С. І.* Весільні звичаї і пісні болгар на Херсонщині (Село Тернівка на Миколаївщині). – Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1925, ч. 2–3, 217–238; *Цветко, С. І.* Юнацькі та хайдутські пісні у болгар. – Етнографічний вісник. К., 1926, 47–48.

¹⁶ *Субатские* или *Собатские* песни – название условное или от «соба» – турецкая «комната» или от Собат/Субаш – «банкет». «Термин субатские, – писал сам С. И. Цветко, – является настолько широким, что не позволяет квалифицировать эти песни еще детальнее, т. к. за основу взято формальное происхождение (отношение к празднеству), а не анализ содержания». Делил их на: юношеские, гайдуцкие, мифологические (змей) и бытовые (*Цветко, С.* Български народни песни..., 9–10).

¹⁷ *Большой Буялык* Одесского уезда Херсонской губернии – поселение «задунайских колонистов», которое возникло в 1801 году (теперь – с. Благоево Ивановского района Одесской области).

¹⁸ Становятся очевидными истоки научного интереса С. И. Цветко.

¹⁹ *Атанас Вербанский* – собиратель болгарских песен Приазовья, опубликовал: Народни песни, записани в село Преслав, в Таврийската губерния в Русия, от преславский учител Тан. Върбанский. – Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, 1894, № 44, 288–300.

²⁰ *П. Илиев* – собиратель народного творчества конца XIX – начала XX в.

²¹ *Чолаков Василий* собирал корпус народных произведений болгар (песен, сказок, поверий, обычаев и т. д.), будучи сначала учителем, а затем монахом в Рыльском монастыре. Издал: Българский народен сборник. Белград, 1872.

²² *Качановский, В. В.* Памятники болгарского народного творчества. СПб., 1882.

²³ *Веркович, С.* Народне песме Македонски Бугара. Белград, 1860.

²⁴ «*Сборник за народни умотворения, наука, и книжнина*» – болгарский научный журнал, издаваемый с 1889 г. Министерством народного просвещения. Каждый том распадается на три части: 1) исследование; 2) критические статьи; 3) этнографические материалы: сказки, песни, заговоры и др.

²⁵ Дата написана красным карандашом, вероятно, рукой Н. С. Державина.

²⁶ Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 827, оп. 1, д. 269, л. 44–129. (Как составная часть эта рукопись сейчас опубликована в: *Цветко, С.* Български народни песни от Украйна и Крим. София, АИ «Марин Дринов», 2005, 19–130).

²⁷ *Цветко, С. І.* Юнацькі та хайдутські пісні у болгар. – Етнографічний вісник. К., 1926, кн. 3, 47–48.

²⁸ Это и последующие подчеркивания сделаны красным карандашом, вероятно, рукой Н. С. Державина.

²⁹ Эти лингвистические моменты говора сейчас монографически изучены З. Т. Барболовой – рукопись, которая еще ожидает своей публикации.

³⁰ *Цветко, С. І.* Весільні звичаї і пісні болгар на Херсонщині (Село Тернівка на Миколаївщині). – Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1925, ч. 2–3, 217–238.

³¹ *Цветко, С. І.* Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським. – Етнографічний вісник. К., 1928, кн. 6, 1–15.

³² Знак вопроса поставлен, вероятно, Н. С. Державиным.

³³ Речь идет о неизвестной работе С. И. Цветко.

³⁴ *Крале-Марко* – Королевич Марко Мрнявчевич (болг. Крали Марко) – сын сербского короля Вукашина, унаследовавший после его гибели в битве с османами в 1371 г. Прилепское королевство.

В балканском эпосе Марко-Королевич играет видную роль, являясь защитником православного народа против осман, с которыми он то воюет, то ведет дружбу. Ему посвящено множество сербских былин или героических (юнацких) песен. «Нет ни одного серба, — говорит В. Караджич, — который бы не знал имени Марко-Королевича». В болгарской народной поэзии также немало песен о Крале Марко (*Богоров, Ив. Болгарски народни песни. София, 1879*).

³⁵ Речь идет о центрально-балканских землях, хотя большинство крымских болгар являлись переселенцами из Румелии (*Носкова, И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. Симферополь, СОНАТ, 2002*).

³⁶ *Старый Крым* – город в Крыму, на территории которого была создана болгарская колония (район «Болгарщина» бытует по наши дни).

³⁷ *Кишлав* – с 1829 г. колония болгар в Крыму (ныне – с. Курское Белогорского района). В 1944 г. болгары были депортированы из этого селения.

³⁸ *Коктебель* – город в Крыму, на территории которого имелся болгарский хутор Бараколь (*Шапошников, А. К. Старый, добрый болгарский Коктебель. Симферополь, 1999*).

³⁹ *Сарабуз* – теперь с. Гвардейское Симферопольского района АР Крым. Болгары здесь появились в 1860–1870-е гг. из Бердянского уезда Таврической губернии.

⁴⁰ *Змей Огнянин* – популярный персонаж болгарского фольклора, который связан с народной метеорологией, в частности – громом. Это точное наблюдение С. И. Цветко было конвергентно развернуто в болгарской этнологии (например: *Георгиева, И. Змеята-стопан в българските народни вярвания. – Векче, 1978, № 2, 22–29; Беновска-Събкова, М. Змеят в българския фолклор. С., 1992 и др.*).

⁴¹ *Ламя* (от греч. «Lamia») – традиционный образ балканского мировоззрения. Мифологическое существо сродное Дракону или Змею-Горынычу (*Попов, Р. Ламя. – В: Българска митология: енциклопедичен речник. С., 7М+ЛОГИС, 1994, с. 201–202*).

⁴² *Змеица* (златокрилица) – устойчивый образ в болгарском устном творчестве, бытующий с древнего периода (*Попов Р., Стойнев, А. Змей. – В: Българска митология: енциклопедичен речник. С., 7М+ЛОГИС, 1994, 148–150*).

⁴³ *Цветко, С. И. Генеза мотива крилатого змия в българських народних піснях. – Етнографічний вісник. К., 1930, нн. 9, 3–30.*

⁴⁴ *Цветко, С. И. Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським. – Етнографічний вісник. К., 1928, кн. 6, 1–15.*

⁴⁵ *Попруженко* Михаил Георгиевич (25. 07. 1866, г. Одесса – 30. 03. 1944, г. София) – историк и филолог. Заслуженный профессор Новороссийского университета (1916). Заведовал Одесской публичной библиотекой. Секретарь Одесского общества истории и древностей. В эмиграции в Болгарии (с 1919). Профессор истории русской литературы на историко-филологическом факультете Софийского университета (1920–1941). Почетный доктор Софийского университета (1939). Член-корреспондент (1923) и академик (1941) Болгарской Академии наук. Во время обучения С. И. Цветко был одним из его учителей.

⁴⁶ *Цветко, С. И. Символічні речі.., 1–15.*

⁴⁷ «Сел на... [коня]».

⁴⁸ «Три дня моих и три вечера».

⁴⁹ Вук Стефанович Караджич (07.11.1787 – 07.02.1864) — сербский языковед. *Karadžić, V.* Српске народне пјесме. Widen, 1814, 1823.

⁵⁰ *Видин* – город в современной Северо-западной Болгарии.

⁵¹ Рукопись так и не была опубликована в Ленинграде.

⁵² Вероятно, речь идет о Георгии Константиновиче *Данилове* (1896–1937), московском лингвисте, родоначальнике советской африканистики, создателе группы «Языкофронт», преподавателе Коммунистического университета трудящихся Востока (репрессированном в 1937 г.).

⁵³ *Соколов* И. И. – сотрудник Института славяноведения, занимавшийся языковедением греков-торкофонов.